
Стоило Цзян Умяню обмолвиться о «посадке травы», как советник Линь онемел. Его суровое, доселе багровое от гнева лицо медленно приняло выражение полнейшей растерянности. Ладно бы они находились в бескрайних северных степях, где выпас лошадей — дело государственной важности, а Ведомство коннозаводства закупает фураж тысячами пудов; там засеять десяток-другой му клевером было бы делом привычным. Но где они сейчас? В области Линнань! На самом краю южных земель Великой Чжоу! Какую еще, к чертям, траву он собрался здесь сеять?

От бывшего благообразного, поистине даосского величия советника не осталось и следа. Он то открывал рот, собираясь возразить, то замолкал, не зная, с чего начать увещевания. Совсем недавно молодой уездный судья так искусно и разумно расселил беженцев, что заслужил искреннее уважение, но теперь Линь Шоуюань невольно засомневался: уж не взбалмошный ли самодур сидит перед ним?

Делая последнюю отчаянную попытку спасти положение, советник осторожно уточнил:

— Господин уездный судья, вы ведь имеете в виду фураж для лошадей?

Цзян Умянь покачал головой, безжалостно руша слабую надежду подчиненного:

— Нет. Это сорная трава, способная удобрять землю. Растет прямо на межах да по обочинам дорог. Цветет фиолетово-белым, листья покрыты нежным светлым пушком, а соцветия похожи на маленькие зонтики.

Шоуюань нахмурился — описание показалось ему смутно знакомым. Где-то он это уже видел.

Когда в кабинет вошли Чжан Жун, Цзян Цю и Чжао Чэн, они застали странную картину: советник Линь стоял, насупившись, и что-то бормотал под нос, а уездный судья стремительно выводил кистью иероглиф за иероглиф, заполняя ровными строками очередной лист бумаги.

Атмосфера в комнате была на редкость натянутой.

Троица принялась переглядываться, безмолвно споря, кому первому идти на рожон.

— Что вы там застыли, точно духи-хранители у ворот? — не поднимая головы, спросил Цзян Умянь.

Скрип двери он услышал сразу, а вот шагов так и не последовало. Оторвав взгляд от бумаг, он увидел, как его помощники шутливо борются в проеме, толкая друг друга локтями и уворачиваясь с такой ловкостью, словно демонстрировали приемы кулачного боя.

Цзян Умянь устало прикрыл глаза. На тренировочном поле места мало стало, что ли?

Заговорщики тут же прекратили потасовку. Цзян Цю и Чжао Чэн слаженным движением выпихнули вперед Чжан Жуна, а сами поспешно отступили на полшага назад, прячась за его спиной. Раз уж дела строительной артели сейчас важнее всего, то и держать ответ советнику Чжану.

Оказавшись впереди, тот сердито одернул широкие рукава и тихо хмыкнул. Эту подножку он коллегам еще припомнит.

Откашлявшись, Чжан Жун перешел к делу и доложил о последних слухах:

— Вы дали беженцам кров и работу, за что артельщики вам безмерно благодарны. Поэтому, когда поползли сплетни, народ не на шутку взбунтовался.

Поначалу-то в артели судили о молодом судье по-разному. Кое-кто шептался, будто новый чиновник просто заигрывает с народом ради доброй славы. В других уездах ведь поборы такие, что люди вынуждены бежать в леса, спасаясь от налогов. Другие, напротив, искренне благодарили Цзян Умяня за хлеб и монету, величая его не иначе как «честным судьей — ясным небом». В целом же люди относились к новой власти с надеждой.

Но стоило пущенным советником Чжаном слухам, подобно весеннему пуху, разлететься по лагерю и окончательно запутать народ, как многие артельщики побагровели от злости и бросились яростно защищать своего благодетеля.

— Пусть судья Цзян с виду и суров, зато дело делает! Обещал платить — платит, обещал кормить досыта — кормит! Посмотрите на тех, кто едва ноги волочил, как они округлились!

— Да я уже подыхал, одной ногой в могиле стоял, пока миска каши от советника Чжана меня с того света не вытащила!

— Не будь судьи Цзяна, не видать бы нам этой артели как своих ушей!

— Верно! Лежать бы мне сейчас на общем кладбище рядышком с батюшкой!

Какое там «забирает души»? Спасает!

Чжао Чэн согласно кивнул:

— Покорный слуга подтверждает. Пока я занимался межеванием в деревнях, только об этом и слышал. Правда, тамошние крестьяне нового судью в глаза не видели, потому и верят всяким небылицам.

Последние несколько дней Чжао Чэн провел в глуши. Они отправились туда вместе с советником Линем, но тот занимался лишь переписью пахотных земель, а на Чжао Чэна легла вся геодезическая съемка. Работы оказалось невпроворот, поэтому он задержался и вернулся в управу позже остальных, успев вдоволь наслушаться деревенских сплетен.

Поскольку крестьяне толком ничего не знали, слухи множились со скоростью лесного пожара, проникая в каждый дом. Кто-то уверял, что новый чиновник — синелицкий клыкастый бес, крадущий жизни, другие величали его милосердным заступником и святым спасителем.

Существовали и куда более дикие домыслы, но Чжао Чэн плохо понимал местное наречие, а потому не смог разобрать подробностей.

Цзян Цю подтвердил его слова. Он обходил городские лавки ради закупок и то и дело натывался на торговцев и приказчиков, увлеченно спорящих о «подлинном естестве» их уездного судьи. Словом, простым смертным его уже никто не считал, но и прежний панический страх улетучился.

Выслушав доклады, Цзян Умянь даже бровью не повел. Он достал из стопки исписанный лист, озаглавленный «Борьба со слухами и наем стражи», пробежал его глазами и решил, что пора переходить к следующему шагу.

— Отлично. Раз уж вы здесь, соберите артельщиков. Пусть готовятся расчищать пустошь под посадку травы.

Советники, услышавшие это впервые, растерянно переглянулись.

— Что?..

Разумеется, сеять траву с нуля никто не собирался. До наступления сезона «Колошения хлебов» оставались считанные дни — вымачивать и проращивать семена времени не было, так что оставалось лишь пересаживать готовую рассаду астрагала китайского.

Эту траву местные жители звали просто «Цзаоцзы». Теплолюбивое, обожающее влагу растение чувствовало себя в уезде Шаоюань как дома — здешний климат подходил ему идеально. Старожилы собирали его для лечебных отваров, а порой подавали к столу как обычную зелень, но никому и в голову не приходило использовать сорняк в качестве удобрения.

В тот же день у ворот управы появился указ: требовались люди для сбора дикорастущего астрагала китайского. Условия выставили жесткие — растение надлежало выкапывать бережно, не повреждая стержневой корень и обязательно оставляя на нем ком земли. Поврежденные саженцы браковали безжалостно. Плату обещали щедрую, соразмерно качеству

работы, да еще и кормили дважды в день за счет казны.

Едва прослышав об этом, крестьяне, пришедшие в город на заработки, выстроились в очередь.

Шумные пересуды постепенно улеглись, и люди перестали шарахаться от властей. Коль платят звонкой монетой, да еще и кормят на убой, какая разница, что там болтают кумушки? Судья оказался вовсе не кровожадным чудовищем, а работа предстояла непыльная — отчего бы не подзаработать?

Правда, многие втайне недоумевали: с каких это пор сорная трава делает землю плодородной? Она же только соки из почвы тянет, мешая рису!

«Видать, наш новый господин уездный судья в земледелии смыслит как свинья в апельсинах», — шептались мужики.

Впрочем, под эксперимент отвели всего пять му земли. Раз уж казенную пашню топчут, а не крестьянские наделы отбирают, то пусть забавляется как хочет.

Пока уездные остряки качали головами, тот самый «несведущий» чиновник стоял на краю поля, придирчиво оценивая качество почвы.

Изучая реестры «рыбьей чешуи», Цзян Умянь заметил, что почти все окрестные пашни относились к низшей категории и давали скудный урожай. Но участок, выбранный им для опыта, оказался еще хуже. Пять му бесхозной земли пустовали не просто так: половина заросла бурьяном в человеческий рост, а вторая была усыпана острым щебнем.

Земля здесь была мертвой и истощенной. Посади тут рис — и после года изнурительного труда соберешь от силы два даня с одного му. А ведь после уплаты налогов семье из трех человек не осталось бы даже на жидкую похлебку.

Цзян Умянь зачерпнул горсть земли, растер сухие комочки пальцами и высыпал обратно. Повернувшись к стоящим позади артельщикам, он негромко произнес:

— Слева слишком много сорняков, будьте осторожны: в траве могут прятаться змеи и ядовитые гады. Справа земля усыпана камнями. Смотрите под ноги, не спешите, чтобы никто не покалечился.

На этот раз работами руководил не Лу Юй, а молчаливый и угрюмый крестьянин по имени Чэнь Пин. Присматривавший за работами писарь, зная застенчивость бригадира, поспешил ответить за него:

— Благодарим за заботу, господин уездный судья. Мои люди всю жизнь на земле работают, дело привычное. Участок крошечный: за день весь бурьян сведем, за пару-тройку дней

перекопаем. Не успеет пройти и пяти дней, как земля будет готова к посадке.

«Пару-тройку дней на перекопку?» — Цзян Умянь нахмурился.

Пять му земли, десять здоровых мужиков. Выходит всего по пол-му на брата. Почему так долго?

Стоило ему озвучить этот вопрос, как у Чэнь Пина ушло сердце в пятки, а лицо побледнело. Решив, что чиновник обвиняет их в лености, крестьянин испуганно забормотал, отчаянно жестикулируя:

— Ва-ваше превосходительство... Камни-то не только сверху лежат... В глубине их еще больше. Придется каждый пласт руками ворошить, землю из-под валунов выбирать.

— Все в порядке, — мягко прервал его Цзян Умянь. — Я думал о другом. Ваше усердие мне хорошо известно, и я вижу, что вы трудитесь на совесть.

Услышав слова одобрения, Чэнь Пин облегченно выдохнул и поспешил увести людей на расчистку.

Советник Линь, наблюдая за тем, как споро артельщики принялись за работу, сокрушенно вздохнул:

— Земля тут совсем пустая. Боюсь, при пересадке большая часть астрагала китайского просто погибнет.

— Пустую землю можно выходить, — отозвался Цзян Умянь. Он снова присел, растирая комья сухой грязи. — Возвращаемся в управу. Для этого астрагала китайского нужно приготовить особое удобрение.

Однако заняться удобрениями сразу не удалось. Стоило Цзян Умяню вернуться в управу, как в боковом покое его встретил Бай Чухань, которого он не видел уже несколько дней.

Залитый полуденным солнцем зал так и сиял. Главнокомандующий стоял у окна, слегка прищурившись от нестерпимо яркого света.

Цзян Умянь невольно замедлил шаг.

На мгновение ему показалось, что старший брат удивительно похож на ленивого уличного

кота, греющегося на черепичной крыше. Развалился, полузакрыв глаза, и даже головы не повернет, пока не заслонишь ему солнце. Вечно сам по себе.

Безошибочно узнав шаги младшего брата, Бай Чухань даже не повернулся, лишь небрежно взмахнул распечатанным свитком:

— Назначен императорский уполномоченный по борьбе со стихийными бедствиями. Золото и провиант пойдут из области Цзяннань. Самое большее через месяц бедам Линнани придет конец.

Официальное донесение о поимке мятежников ушло в столицу сразу после боя. Но путь до сердца империи недолог лишь на словах — даже конные гонцы скакали без малого восемь дней. Да и при дворе чинуши спорили долго, прежде чем сошлись на единой кандидатуре.

Цзян Умянь подошел ближе и взял письмо.

В этих краях переписку обычно доверяли купеческим караванам. Да только Линнань лежала в такой глуши, а дороги кишели разбойниками столь густо, что обозы из столицы добирались сюда от силы дважды в год — весной да ранней осенью. Прошлогдний же бунт окончательно отрезал уезд от внешнего мира, так что это послание явно доставили тайными путями самого главнокомандующего.

Содержимое письма укладывалось в две лаконичные строки: «Повелеваю генералу Сюэ Вэню принять обязанности императорского уполномоченного. Средства и провиант изъять из закровов области Цзяннань».

— Государь велит мне лично конвоировать главарей мятежников в столицу, — добавил Бай Чухань, когда Умянь закончил читать. — Их запрут в императорскую тюрьму до осенней казни.

Выражение лица судьи осталось бесстрастным. Он лишь тихо спросил:

— А как же регистратор У и остальные?

В уездных казематах до сих пор томилась целая свора арестантов. С бывшим заведующим тюрьмой и архивом и стражниками все было просто — их ждала плаха за казнокрадство. А вот с У Шэном дело обстояло куда сложнее: за его спиной явно стоял сильный кукловод, и любое неосторожное решение могло обернуться бедой.

— Мое обещание остается в силе, — ровным голосом ответил Тинъюэ. — С У Шэном и его прихвостнями разберутся тихо и надежно. Генерал Сюэ останется здесь. Если возникнут трудности, в которых тебе нельзя марать руки, смело иди к нему за помощью. Все-таки он командует войском, верных людей под рукой в избытке.

«Целого генерала превратил в личного слугу», — мысленно хмыкнул Цзян Умянь, но вслух ничего не сказал.

Как бы то ни было, отъезд старшего брата на север был решенным делом. Впереди их ждали тысячи ли заснеженных гор и бурных рек, и бог весть, когда им доведется увидеться вновь.

Цзян Умянь крепко сжал губы и с глубоким чувством произнес:

— Береги себя, брат.

После ухода Бая Цзян Умянь долго сидел в одиночестве, бездумно глядя в пустоту, но вскоре тряхнул головой и вернулся к делам земным. До раздачи казенного хлеба еще дожить надо, а сев на носу — глупо надеяться на чудо, когда нужно пахать.

Астрагал китайский капризен к почве. На выбранном им пустыре без хорошей подкормки саженцы вырастут чахлыми, и вся затея с удобрением полей пойдет прахом.

Вновь взявшись за кисть, судья набросал правила ухода за всходами, по памяти записал способы борьбы с вредителями риса и методы подкормки в период кущения. Он тщательно вымарывал из мыслей любые сложные приемы из будущего, оставляя лишь то, что можно было воссоздать силами местных умельцев.

Закончив, Цзян Умянь вызвал дежурного стражника и протянул ему исписанный лист:

— Соберите все, что сможете найти из этого списка. Доставляйте пряником к нашему новому полю.

Служивый заглянул в бумагу и опешил. В перечне значились речной ил, рыбы потроха и кости, яичная скорлупа, шелуха от креветок, помой и даже навозная жижа. Все это местные крестьяне испокон веков использовали для скудной подкормки своих огородов.

Но чтобы уездный судья, благородный книжник, разбирался в крестьянском навозе? Это не укладывалось у стражника в голове.